Тыква для Золушки

Ольга Старовойтова

Ольга Старовойтова

Тыква для Золушки

«Автор»
2026

Старовойтова О.

Тыква для Золушки / О. Старовойтова — «Автор», 2026

У Анастасии Орловой было всё, о чём мечтают: муж-владелец транспортной компании, особняк, бриллианты и уверенность, что так будет всегда.
Пока в один день муж не выставил ее из дома за пять минут.Без денег, без профессии, с ребенком на руках она находит только работу официантки в ресторане, где прежде обедала с подругами. Теперь эти подруги приходят туда, чтобы поиздеваться над Настей.Но именно там, на дне, Анастасия впервые видит себя без прикрас — и понимает: она сама была такой же. Десять лет смотрела на людей как на обслуживающий персонал. Десять лет жила чужой жизнью. Теперь придётся начинать свою.«Тыква для Золушки» — это современный женский роман о падении и взлёте. О том, какую цену платит женщина за свободу. О материнстве без уверенности в завтрашнем дне, о дружбе с теми, кого раньше и за людей не считала, и о любви, которая приходит совсем не так, как мечталось.

© Старовойтова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Ольга Старовойтова
Тыква для Золушки

Глава 1

День начался не с будильника, а с запаха жасмина — тяжелого, сладкого до приторности аромата масла для массажа, который Лидия втирала ей в плечи.

В девять утра Анастасия лежала на массажном столе лицом вниз, утопая в прохладной шелковистой простыне. Сквозь панорамное окно спальни просачивался рассеянный свет апрельского утра, но она его почти не замечала. Всё её внимание было приковано к рукам личного массажиста. Пальцы Лидии двигались уверенно и глубоко, разминая тугие узлы мышц под кожей. Анастасия чувствовала, как плоть становится горячей, послушной, словно разогретый воск. Где-то в глубине дома монотонно гудел пылесос горничной — прислуга уже готовила гостевую спальню к визиту свекрови, намеченному на следующие выходные. Но мысли Анастасии были далеко от семейных драм. Она мысленно перебирала лоты благотворительного аукциона: редкое полотно молодого авангардиста, ужин с известным дирижером, неделя на вилле в Сен-Тропе. Нужно было решить главное — какое колье станет главным аккордом сегодняшнего вечера.

Лидия накрыла её простынёй, отсекая прохладу комнаты, и Анастасия перевернулась на спину. Потолок над ней был расписан итальянским мастером под старинную фреску — пухлые купидоны целились из луков прямо в хрустальную люстру, вокруг порхали розовые облака. Муж заказал эту роспись три года назад, выложив сумму, равную годовому бюджету небольшой клиники, но имя художника Анастасия так и не запомнила. Для неё это была просто дорогая декорация потолка.

— Завтра в то же время? — голос Лидии вырвал её из задумчивости.

— Да. И запиши меня к косметологу на четверг. Пусть посмотрит носогубные складки. Кажется, они стали глубже.

Когда за массажисткой закрылась тяжелая дубовая дверь, Анастасия села. В зеркале напротив отразилась женщина, которую она знала до миллиметра двадцать восемь лет. Гладкая кожа цвета слоновой кости, высокие скулы, подчеркнутые филлером еще прошлой осенью, идеальная линия подбородка. Три года материнства никак не испортили форму груди, хотя мысль о легкой подтяжке всё чаще посещала её по утрам. Она провела пальцами по шее — кожа была упругой, чуть влажной и пахла маслом виноградных косточек. «Муж говорит: "Ты в порядке"», — пронеслось в голове. Муж вообще говорил мало, предпочитая изъясняться чеками и кивками.

Она спустилась в гардеробную. Это была не комната, а целая анфилада залов, размером с городскую студию. Три стены во всю высоту отражали друг друга, создавая бесконечный коридор из самой себя. Коробки с обувью стояли ровными рядами, прозрачные чехлы скрывали вечерние наряды, похожие на спящих бабочек. Платье на сегодня — глубокий темно-синий шёлк, строгий глухой ворот, обнажающий ключицы, и дерзкий разрез до самого бедра — уже ждало на отдельном манекене. Анастасия провела ладонью по ткани. Шёлк ответил тихим, бархатным шуршанием.

Затем она выдвинула нижний ящик комода из черного дерева. Внутри, на черном бархате, покоились сокровища. Обручальное кольцо лежало отдельно. Крупный бриллиант классической огранки в тяжелой платиновой оправе. Семь лет назад муж надел его ей на палец, когда она ещё верила, что любовь это навсегда, а брак это нерушимая крепость. Сейчас крепости давно пришел конец, остались лишь взаимовыгодные договоренности, но само кольцо...

Кольцо она любила безумно. Не как символ верности или семейного очага, а как вещь. Идеальную, холодную, невероятно свою. Иногда, оставаясь одна, она снимала его, клала на ладонь и смотрела, как грани ловят электрический свет, разбрасывая радужные искры. Она мечтала однажды передать его Алисе. Снять с пальца и надеть на тонкую руку повзрослевшей дочери в день её помолвки или просто так, без всякого повода, чтобы прошептать: «Это было моё. А теперь оно твоё».

Анастасия надела кольцо. Бриллиант вспыхнул ледяным огнем, поймав луч утреннего солнца. Холодный, чистый, безупречный. Совсем как её собственная жизнь, выстроенная по кирпичику.

В дверь постучали тихо, но настойчиво. Няня, невысокая, сухопарая женщина в форменном сером платье, похожая на старую школьную учительницу, держала за руку Алису. Девочке было три года. На ней был пушистый розовый комбинезон, светлые волосы растрепались после сна, а в маленьком кулачке был намертво зажат потрепанный плюшевый заяц с одним болтающимся ухом.

— Анастасия Викторовна, Алиса хотела пожелать вам доброго утра.

— Мама! — девочка вырвала ручонку из цепких пальцев няни и бросилась вперед. Босые ножки зашлепали по паркету.

Анастасия инстинктивно опустилась на колени, позволяя теплым, липким от сна ладошкам обхватить себя за шею. От волос дочки пахло детским шампунем с ромашкой и чем-то мучным — кажется, няня снова нарушила запрет и дала ей печенье перед завтраком. Анастасия поморщилась, но тут же стерла раздражение с лица.

— Привет, зайчонок, — она мягко отстранила дочь и профессионально поправила съехавший набок бант на её макушке. — У мамы сейчас очень важный день. Вечером большой ужин, нужно быть красивой. Понимаешь?

Алиса подняла голову. Её глаза — огромные, влажные, стального-серого цвета (точная копия отцовских), смотрели снизу вверх. У самой Анастасии глаза были карими, теплыми, но взгляд дочери всегда заставлял её ежиться от холода.

— Понимаю, — шепотом ответила девочка. — А сказку?..

— Няня почитает тебе новую книжку про динозавров. Иди, солнышко, иди играть. Мне нельзя опаздывать.

Алиса прижала своего одноглазого зайца к груди так сильно, что ткань игрушки жалобно скрипнула. Развернувшись, она медленно побрела обратно к няне. Женщина в сером задержалась в дверях, глядя на хозяйку с укором старой служанки.

— Анастасия Викторовна, она спрашивает про вас каждый божий день. Рисунки оставляет у вашей кровати. Может, хотя бы завтрак вместе? Или десять минут сказки на ночь?

Анастасия даже не повернула головы, продолжая смотреть на свое отражение и проверяя симметрию губной помады.

— У меня через час косметолог. Потом примерка туфель. Я занята.

Няня тяжело вздохнула и плотно притворила дверь. Звук замка щелкнул, отрезая детский лепет. В огромной гардеробной мгновенно стало гулко и тихо. Анастасия посмотрела на свои руки, на тяжелый камень кольца, на синее платье. И вдруг почувствовала странный, необъяснимый холодок где-то под ложечкой. Он возник ниоткуда, пробежал ледяной змейкой по позвоночнику и исчез. Просто холодок. Предчувствие пустоты.

День закрутился блестящей, выверенной до секунды каруселью. Парикмахер колдовал над высокой укладкой, закрепляя шпильки; визажист наносил невесомую пудру, делая лицо фарфоровым; легкий обед состоял из трех перепелиных яиц пашот и ложки икры. К семи вечера Анастасия стояла в мраморном холле особняка, ожидая водителя. Платье сидело на ней как вторая кожа, сапфировый гарнитур холодил кожу шеи, а бриллиант на пальце казался осколком упавшей звезды.

Черный Rolls-Royce бесшумно скользил по вечерним улицам столицы. В салоне пахло дорогой кожей и озоном кондиционера. Анастасия откинулась на подушки и плеснула себе шампанского из встроенного мини-бара. Телефон завибрировал на соседнем сиденье. Карина, вечная подруга по благотворительному комитету: *«Ты уже едешь? Жду у входа, там такой скандал с парковкой прессы!»*

Приём встретил её ослепительным светом софитов и звоном бокалов. Вспышки фотографов били по глазам, превращая реальность в калейдоскоп пятен. Дежурные поцелуи в воздух возле щеки, фальшивые улыбки, натянутые, как струна контрабаса. Рука об руку с такими же глянцевыми людьми она прошла в главный зал. На аукционе Анастасия дважды поднимала табличку с номером — лот уходил к ней легко, деньги мужа никогда не имели счета. Она выпила три бокала брюта Krug, механически проглотила одну устрицу на серебряной ракушке и выслушала восторженную речь жены нефтяного магната о спасении редких амурских тигров.

Где-то между вторым и третьим тостом, стоя у колонны с золотым орнаментом, она поймала своё отражение в темном стекле окна, выходящего на ночную набережную. Лицо-маска, идеальная прическа, сияющие камни. И тот самый холодок вернулся. Только теперь он никуда не ушел. Он свернулся ледяным клубком в животе, напоминая, что внутри этой прекрасной оболочки нет ничего, кроме звонкой тишины.

Телефон завибрировал снова, требовательно и громко. На экране высветилось короткое слово: «Муж».

Анастасия отошла в полутемный боковой холл, подальше от музыки и чужих ушей.

— Да? — её голос прозвучал ровно, идеально поставленным контральто.

— Срочно домой, — голос супруга в трубке был сухим, лишенным всяких эмоций, таким же, как цифры в их общем банковском приложении. — Разговор есть.

— Я на приёме, ты же знаешь. Что-то срочное? До пожара вроде не дойдет, я спонсировала систему безопасности музея...

— Домой, Анастасия. Я жду.

Он отключился. Ни слова больше. Никаких объяснений.

Она постояла минуту, глядя на погасший экран смартфона. Ледяной клубок в животе стремительно рос, превращаясь в тянущую, сосущую пустоту. Воздух стал густым и тяжелым, дышать стало трудно.

Потом она взяла со столика свой расшитый бисером клатч, нашла взглядом Карину, танцующую в центре зала, коротко кивнула ей — мол, семейные дела, ты же понимаешь и пошла к выходу. Охранник услужливо распахнул перед ней тяжелые двери, ведущие из этого мира фальшивых улыбок в неизвестность.

Глава 2

До особняка было сорок минут пути, но Анастасии показалось, что они пролетели за одно мгновение. Она сидела на заднем сиденье Rolls-Royce, откинувшись на прохладную кожаную спинку, и смотрела, как неоновые огни города сливаются в сплошные полосы. Зачем-то она сняла обручальное кольцо с пальца. Тяжелая платина холодила ладонь, а бриллиант мерцал в полумраке салона маленькой, абсолютно равнодушной звездой.

Она не знала, что видит этот камень таким — своим, теплым от кожи, лежащим на ладони, в последний раз.

Водитель плавно притормозил у кованых ворот. Створки разъехались бесшумно, словно пасть механического зверя, впуская машину во внутренний двор. Особняк светился окнами первого этажа — муж ждал её в кабинете. Анастасия вышла из машины, поправила шелк платья, который теперь казался чужим и неуместным, и на секунду задержалась у входа. Вечерний воздух пах мокрой травой после полива, остывающим асфальтом и бензином от выхлопов их собственного автопарка. Где-то далеко, за высоким забором, одиноко лаяла соседская собака. Звук был тоскливым и свободным одновременно.

В холле царила гулкая пустота. Прислуга давно разбрелась по своим комнатам во флигеле, дежурный охранник сидел в каморке перед мониторами. Свет горел только в кабинете мужа — прямоугольник теплого желтого света падал на холодный мраморный пол коридора, освещая каждую пылинку. Анастасия машинально скинула туфли Christian Louboutin со стразами. Босые ступни коснулись камня. Ледяной мрамор обжег кожу, и это простое физическое ощущение вдруг показалось ей единственно настоящим событием за весь сегодняшний вечер.

Дверь кабинета была приоткрыта ровно на десять сантиметров. Муж сидел за массивным столом из красного дерева. Не в домашнем кашемировом халате, как обычно вечерами, а в строгом деловом костюме и галстуке, будто собирался подписывать многомиллионный контракт прямо сейчас. Перед ним лежала черная кожаная папка-скоросшиватель. Он не пил коньяк, не листал бумаги — просто смотрел прямо перед собой, сложив руки замком. Ждал.

— Что случилось? — голос Анастасии прозвучал хрипло, сорванное горло саднило.

— Закрой дверь.

Голос был ровным, без злости, без усталости. Таким тоном он разговаривал с подрядчиками или менеджерами банка: точным, хирургически выверенным, лишенным всего человеческого. Анастасия закрыла тяжелую дубовую створку, отрезав себя от внешнего мира, и опустилась в кресло для посетителей. Платье зашуршало дорогим шёлком, звук показался ей невыносимо громким. Клатч лег на колени мертвым грузом.

— Я слушаю.

Муж открыл папку, но заглядывать в неё не стал. Его взгляд уперся в лицо Анастасии — тяжелый, изучающий. И впервые за долгие годы брака она почувствовала, что он действительно *видит* её. Не жену-функцию, не мать своего ребенка, не безупречное приложение к его статусу на обложках журналов, а отдельного человека, которого он сейчас будет методично, пункт за пунктом, вычеркивать из своей жизни.

— Я подал на развод сегодня утром. Документы уже в суде.

Анастасия моргнула. В голове стало звонко и пусто, как в огромном бальном зале, из которого внезапно вынесли всю мебель, оставив лишь эхо.

— Когда?

— Сегодня.

— Почему? По какой причине?

— Не имеет значения. Брачный контракт ты читала. Подписывала сама, нотариус всё заверил. Перечитай на досуге — там всё прописано до запятой. Имущество, счета, активы,

драгоценности, коллекция искусства — ничего из этого ты не получаешь. Ты уходишь с тем, в чём пришла семь лет назад. Точнее, — он мельком скользнул взглядом по её декольте, сапфирам на шее, — в чём стоишь сейчас, кроме украшений, разумеется.

Анастасия сжала пальцами клатч так сильно, что костяшки побелели. Дорогая кожа протестующе скрипнула. Она попыталась собрать мысли в кучу, но они рассыпались, как дешевые пластиковые бусины с порванной нитки.

— А Алиса?

Муж медленно откинулся на спинку кресла. Впервые за весь разговор тонкие уголки его губ дрогнули вверх, складываясь в улыбку. Но эта улыбка была страшнее любого крика.

— Алиса останется со мной.

— Ты же никогда ею не интересовался! — слова вырвались сами, отчаянные и жалкие. — Ты её даже по имени называешь раз в месяц, когда не путаешь с дочерью своих партнеров!

— Не интересовался, — легко согласился он. — И сейчас не интересуюсь. Но ребенок нужен. Наследник, кровь, продолжение фамилии — ты же понимаешь, это важно для бизнеса и статуса. А новая женщина... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, — ...ждет сына. Врачи подтвердили вчера. Так что твоя дочь мне больше ни к чему. Я отдам её.

Анастасия почувствовала, как горячая волна крови ударяет в голову, а затем стремительно отливает, оставляя лицо ледяным. Кончики пальцев онемели. — Отдашь? Куда?

— В детский дом. Или пансионат для детей с особенностями развития. Говорят, там хорошие условия содержания, круглосуточный надзор. Хотя тебе какая разница? Ты ведь тоже не мать года, Анастасия! Ты сбагрила её нянькам сразу после роддома. Чего ты сейчас побледнела? Испугалась ответственности?

Она смотрела на него, и мир сузился до одной точки. Перед глазами стояла Алиса — там, в гардеробной пару часов назад, в розовом комбинезоне, с зайцем в кулачке, с серьезными серыми отцовскими глазами. «Мама, а сказку?» Да, она сбагрила её няням. Сбагривала каждый день, радуясь свободной минуте для массажа. Но это была *её*дочь. Её единственный родной человек на свете, ради которого билось сердце.

— Ты не посмеешь так поступить!

— Еще как посмею. — Муж захлопнул папку с глухим звуком, похожим на выстрел. — У тебя было семь лет роскоши, чтобы стать кем-то. Чтобы завести друзей, которые придут на помощь. Чтобы заиметь собственный капитал. Ты же выбрала роль красивой куклы. Теперь не жалуйся. Я даю тебе пять минут на сборы. Возьмешь только личные вещи. Всё остальное — собственность дома. Охрана проверит твои сумки и проводит до ворот.

— А Алиса? — прошептала она, цепляясь за последнюю соломинку логики. — Можешь забрать, — он поморщился, словно ему предложили подержать грязного бродячего кота. — Я же сказал: она мне не нужна. Новая женщина родит здорового наследника, а эту дуру забирай хоть сейчас. Если попробуешь брыкаться, судиться или требовать алименты — я упеку её в интернат через связи в опеке. Так что пеняй на себя.

Анастасия встала. Ноги не дрожали — настоящая предательская дрожь придет позже, часа через два, когда адреналин схлынет, превратив мышцы в кисель. Сейчас тело действовало само, на чистом животном инстинкте выживания.

— У тебя всего пять минут, Анастасия.

Она повернулась и вышла в коридор. Босые ноги скользили по гладкому мрамору. Она дошла до подножия лестницы, ведущей на второй этаж, ухватилась за резные перила и только там, в спасительной темноте спальни, прижалась спиной к двери и впервые за последние 5 минут выдохнула. Времени на переживания не было. Анастасия знала нрав мужа и понимала, что ровно через 5 минут ее выкинут из особняка ровно в том, в чем она будет находиться в тот момент, лишней минуты ей никто не подарит.

Пять минут.

Она открыла встроенный шкаф-купе размером с гараж, схватила первую попавшуюся дорожную сумку Louis Vuitton. Побросала внутрь загранпаспорта (свой и дочкин), планшет, пару футболок, белье, косметичку. Зачем-то кинула одно вечернее платье и туфли к нему. Туда же закинула детские вещи на первое время. Переоделась прямо посреди спальни, скидывая дорогой шелк на пол темно-синей лужей. Натянула джинсы, свитер, куртку, кроссовки Adidas. Волосы, уложенные стилистом три часа назад за баснословные деньги, рассыпались спутанной гривой по плечам. Положила кольцо в карман джинсов.

На ходу, спеша обратно к лестнице, она рывком расстегнула замок сапфирового колье. Холодные камни посыпались тяжелой россыпью — подавись, скотина. Спустилась в детскую. Дверь открылась беззвучно. Там горел ночник в виде пушистого облака, бросая мягкие тени. Алиса спала, раскинув ручки поверх одеяла, сбросив во сне носки. Розовый заяц валялся на полу, зацепившись лапкой за ножку кровати. Анастасия постояла над ней секунду, впитывая образ. Потом наклонилась, быстро одела теплое сонное тельце и вытащила дочь из кроватки. Теплую, тяжелую, пахнущую молоком, детским шампунем и тем самым запретным печеньем.

— Мама... — пробормотала Алиса сквозь сон, уткнувшись носом в плечо матери. — Тихо, зайчонок. Мы идем гулять. Тише.

Внизу, в холле, уже стояли двое из охраны мужа. Черная форма, неподвижные лица-маски, рации на ремнях. Они не помогали нести сумку, но и не мешали — просто ждали приказа, глядя сквозь нее.

На пороге она обернулась. Муж стоял у двери кабинета, прислонившись плечом к косяку. Всё в том же идеальном костюме, с той же тонкой, холодной улыбкой хирурга, только что ампутировавшего конечность без наркоза.

— Прощай, Анастасия.

Она ничего не ответила. Прижала Алису к груди, стараясь защитить от сквозняка, и шагнула в ночь. За спиной тяжело лязгнул замок входной двери. Бронзовая ручка блеснула в лунном свете и исчезла.

Девочка окончательно проснулась уже на улице, когда порыв холодного ветра швырнул ей в лицо сухие листья.

— Мама, мы куда? А где Зай? Мой Зай остался там!

Анастасия замерла у чугунных ворот, сжимая ручку дорожной сумки. Сумка весила тонну. Ребенок на руках начал ворочаться и хныкать. На пустой улице не было ни души. Только мертвенный свет фонарей, черный асфальт и далекий лай собаки, который теперь звучал совсем иначе — угрожающе. Она не знала, куда идти. Не знала, сколько денег осталось в кошельке после сегодняшнего аукциона.

Она знала только одно: в тесном кармане джинсов лежит холодное металлическое кольцо, согретое теплом её бедра, и его нужно сохранить любой ценой.

— Мы пойдем пешком, — сказала она пересохшими губами, обращаясь скорее к самой себе, чем к трехлетнему ребенку. — Мама что-нибудь придумает.

И пошла по пустой ночной улице, унося дочь прочь от золотой клетки, навстречу абсолютной, звенящей неизвестности. Шаги отдавались гулким эхом в тишине элитного поселка. Слез пока не было. Внутри всё выгорело дотла.

Она шла и считала шаги. Это помогало не думать: тридцать два шага от ворот до поворота, ещё шестьдесят — до фонаря, под которым моргал перегорающий свет. Алиса снова заснула у неё на плече, тёплая, тяжёлая, дышала в шею. Сумка оттягивала плечо. Кроссовки были не для ходьбы — дорогие, дизайнерские, купленные для коротких перебежек от машины до бутика. Через полкилометра она почувствовала, как на пятках набухают мозоли.

На телефоне осталось двадцать процентов. Она открыла карту: ближайшая гостиница находилась в двух километрах, трёхзвёздочная, не её уровень. Раньше она бы никогда не посмотрела в её сторону. Сейчас смотрела, вглядываясь в маршрут до рези в глазах.

В кошельке лежало три тысячи наличных. Карты она даже не стала брать с собой — муж мог заблокировать их в любую минуту, и она не собиралась давать ему повода отследить себя через транзакцию. Три тысячи. И ребёнок, который проснётся утром и захочет есть.

Гостиница встретила запахом хлорки и старого ковролина. Администратор, женщина с уставшим лицом и химической завивкой, мельком глянула на Анастасию со спящим ребёнком и равнодушно подвинула бланк регистрации.

— Одноместный — две двести. Завтрак не включён.

Анастасия выложила деньги. Пальцы дрожали — не от холода, от усталости. Она поднялась в номер, уложила Алису на кровать, даже не раздевая, укрыла одеялом и села рядом. Номер был крошечный: кровать, тумбочка, телевизор на кронштейне, прикрученный к стене. Из окна дуло. Под подоконником жужжал холодильник — пустой, пахнущий пластиком.

Она просидела до рассвета, глядя в стену. Спать не могла — перед глазами стоял муж, его улыбка, его «прощай». И Алиса — в розовом комбинезоне, с зайцем, которого они забыли в детской. Анастасия вспомнила зайца и вдруг заплакала — беззвучно, уткнувшись в ладони, чтобы не разбудить дочь. Плакала не о себе, не о доме, не о платьях. Плакала о том, что ребёнок проснётся и снова спросит: «Где Зай?» — а она не сможет ответить.

Глава 3

Утром всё стало ещё хуже.

Алиса проснулась ровно в шесть утра, как по внутреннему будильнику. Она села на кровати, сонно потерла кулачками глаза и первым делом спросила про зайца.

— Мама, а где Зай?

Анастасия лежала с закрытыми глазами, слушая стук собственного сердца о ребра. Врать было физически больно, слова царапали горло изнутри.

— Зай уехал отдыхать к бабушке в деревню. Скоро вернется, привезет тебе конфету. Дочь нахмурила светлые бровки — она чувствовала фальшь всем своим маленьким существом, но спорить не стала. Просто молча спустила босые ножки на ледяной линолеум номера и уставилась в стену, обняв себя за плечи.

В этот момент Анастасия поняла: если она сейчас же что-то не сделает, Алиса просто замолчит навсегда. Станет такой же пустой куклой, какой была её мать последние семь лет. Нужно звонить! Просить!! Умолять!!!

Телефон казался тяжелым, как кирпич. Первым в списке стоял контакт «Карина (Комитет)». Гудки шли долго, тягуче, словно вязкая смола. На пятом сигнале связь оборвалась коротким писком отбоя. Карина видела звонок и сбросила его.

Она набрала Марину — ту самую подругу из прошлой жизни, ещё до того, как фамилия Анастасии начала открывать двери закрытых клубов. Марина взяла трубку после второго гудка. Голос был бодрым, как после свежесваренного кофе.

— Настя? Ты чего в такую рань? Случилось что?

— Марин, мне нужна помощь. Срочно! Мы с Алисой... мы ушли от мужа. Можно у тебя пару дней пожить? Я на работу устроюсь завтра же, я могу полы мыть, сидеть с детьми, я всё умею...

— Погоди-погоди. — Тон Марины мгновенно изменился. Из дружеского он стал жестким, деловым, похожим на голос банковского аналитика. — Ты ушла от мужа? Совсем? Без ничего?!

— Да. Совсем.

Пауза повисла такая плотная, что ее можно было потрогать. Анастасия услышала, как на том конце провода звякнула фарфоровая чашка о блюдце. — Насть, я тебе скажу прямо, без обид. По-дружески. Ты сейчас выглядишь как токсичный актив. Понимаешь? У нас с мужем строительный бизнес, нам нужны правильные связи, правильная репутация. Если ты появишься у меня на пороге или поселишься в гостевом доме, то сразу пойдут слухи. А бедность, знаешь ли, она прилипчивая, как ржавчина. Сегодня ты попросишь ночлега, завтра одолжишь денег, а послезавтра мой муж начнет проверять наши счета. Ты уж извини, дорогая, но нет. Это вопрос выживания моего гнезда.

— Марина, пожалуйста, хотя бы ради Алисы! Ты же ее крестная!

— Прости, Насть. Набери, когда всё наладится. Когда найдешь себе нового нормального мужа. Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам.

Анастасия смотрела на погасший экран, пока буквы имени подруги не начали расплываться. Алиса дергала её за рукав свитера. Пальцы девочки были холодными.

— Мама, я кушать хочу. Животик болит.

Третья попытка. Виктория. Самая сердобольная, вечно собирающая деньги на приюты для собак, пишущая посты о сострадании. Вика ответила сразу, запыхавшаяся, видимо, бежала к своей новой машине.

— Настюш, золотце! Ой, у меня тут йога начинается через пять минут, давай я тебе перезвоню буквально через полчасика? Мне нужно обсудить с тренером асаны! Держись там!

И бросила трубку. Полчаса прошли. Час. Два. Телефон Виктории теперь был вне зоны доступа сети.

Они выписались из гостиницы в десять утра. Администраторша с химической завивкой подозрительно покосилась на их помятые лица, но промолчала. Оставшихся наличных хватило на дешевую сетевую кофейню напротив автовокзала. Запах пережаренных зерен и прогорклого масла вызывал тошноту. Анастасия купила дочери овсяную кашу быстрого приготовления и сладкую булочку с маком, себе взяла бумажный стакан кипятка, выдав его за зеленый чай. Желудок сводило голодной судорогой, во рту стояла горечь, но есть она не могла — кусок вставал поперек горла, вызывая спазм.

Алиса возила пластиковой ложкой в клейкой массе, размазывая серую жижу по краям тарелки и пачкая свой некогда нарядный розовый комбинезон крошками. Она ела медленно, механически, глядя перед собой пустым взглядом. Анастасия смотрела на дочь и думала с леденящим ужасом: *«Я не знаю, как жить дальше. Я вообще ничего не знаю. Я даже не помню, сколько стоит литр молока»*.

Потом был бетонный навес автовокзала, под которым пахло соляркой и мокрой пылью. Анастасия села на холодную металлическую скамейку, поставила дорожную сумку между ног, прижала Алису к своему боку, пытаясь согреть собственным теплом. Девочка снова начала капризничать: сначала тихо, потом громче.

— Хочу пить. Домой хочу. К Заю хочу.

Анастасия молчала. Что она могла сказать? «Домой нельзя, там чужой дядя заберет тебя в интернат»? Вместо слов она гладила дочку по спутанным волосам и невидяще смотрела, как подъезжают грязные рейсовые автобусы, выплевывают усталых пассажиров и уезжают прочь, увозя кого-то к теплу и безопасности.

Она не знала, куда ехать. Денег на билеты не осталось совсем — только мелочь на дне кошелька. Внутренний аккумулятор телефона мигнул красным крестиком и окончательно умер, превратив дорогой гаджет в бесполезный черный прямоугольник. В сумочке, завернутое в носовой платок, лежало кольцо. Тяжелое, холодное, последнее, что связывало её с прошлым. Она нащупала его сквозь тонкую кожу подкладки. Металл обжигал пальцы могильным холодом. «Ещё немного, — прошептала она беззвучно, закусив губу до крови. — Ещё один день продержаться. И тогда ты вытащишь его. Продашь. Но не сейчас. Сейчас рано показывать слабость. Сначала нужно выжить».

Алиса захныкала снова, но на этот раз звук был другим. Это был не обычный детский каприз избалованной принцессы. По щекам градом катились настоящие, горькие слезы бессилия. Губы дрожали.

— Ку-у-ушать хочу...

— Потерпи, зайчонок. Мамочка сейчас что-нибудь придумает. Обязательно.

И тут над ними нависла тень. Большая, заслоняющая тусклое солнце остановки.

Анастасия вздрогнула и подняла голову, готовая защищаться, рычать, отталкивать любого, кто подойдет слишком близко. Перед скамейкой стояла женщина лет шестидесяти, может, чуть больше. Одета она была своеобразно: в тяжелое синее драповое пальто, явно перекроенное из старого мужского, и растянутую шерстяную шапку-бини, из-под которой выбивались непокорные седые кудряшки. В одной руке она сжимала ручки авоськи, набитой пучками редиски и зеленым луком, в другой держала огромное, спелое яблоко, уже наполовину надкусанное. Лицо женщины было круглым и обветренным, покрытым густой сеткой морщин вокруг глаз — такие бывают у людей, которые всю жизнь работают не покладая рук.

— Девонька, — сказала женщина густым, прокуренным голосом. Она смотрела не на Анастасию, а поверх её плеча, прямо на Алису. Глаза старухи оказались неожиданно ясными, голубыми. — Ты чего с дитём на холоде сидишь? Маршрутку ждешь? Так они здесь редко ходят. А малая-то у тебя синяя вся и бледная.

Анастасия открыла рот, чтобы ответить резко — так, как отвечала раньше любому обслуживающему персоналу. Сказать что-то вроде «Не ваше дело!» или «Уберите руки, я разберусь сама!». Но вместо этого горло перехватил колючий спазм. Она смогла лишь судорожно кивнуть и качнуть головой.

Женщина тяжело вздохнула, отчего половинка яблока в её руке опасно наклонилась. Она порылась свободной рукой в авоське, выудила оттуда еще одно такое же яблоко и протянула его Алисе.

— На, красавица. Ешь, не бойся! Оно чистое, я сама утром мыла.

Алиса замерла, перестав плакать. Огромными, недоверчивыми глазами посмотрела на мать. Анастасия сглотнула ком и едва заметно кивнула. Дочь робко взяла яблоко обеими руками — оно казалось огромным в её маленьких пальцах и вонзила молочные зубы в сочную мякоть. Раздался громкий хруст. Сок — сладкий, прохладный, живой — брызнул и потек по подбородку, капая прямо на светлый пух комбинезона. Женщина усмехнулась, показав металлические коронки сбоку, и перевела тяжелый взгляд на Анастасию.

— Тебя как звать-то, горе луковое?

— Анастасия.

— А я Светлана Ивановна. Овощами торгую, вон мой ларёк виднеется. — Она небрежно махнула рукой в сторону облезлого синего павильона рынка за остановкой. — Ты чья будешь? Откуда?

— Ничья. — Анастасия вдруг нервно, коротко усмехнулась. Усмешка вышла кривой, жалкой. — Уже ничья.

Светлана Ивановна внимательно осмотрела её лицо, задержавшись взглядом на дизайнерских кроссовках, торчащих из-под тоже не дешевых джинсов. Помолчала, взвешивая что-то в уме. Потом решительно подвинула свою авоську, освобождая место на скамье, и села рядом, скрипнув старыми суставами.

— Комната у меня есть. Пустует. Плата небольшая. Документов не спрашиваю — вижу, что не врёшь. Если хочешь — пойдём, покажу.

Анастасия посмотрела на неё. В голове крутилось: «*«Ты сошла с ума! Ты даже не знаешь эту торговку. Это ловушка! Она украдет твои документы, сдаст ребенка в полицию, убьет вас обеих ради сумки Louis Vuitton»*. Но Алиса уже доела яблоко до самой огрызка, тщательно подобрав все семечки липкими пальцами, затем доверчиво привалилась теплым виском к материнскому боку и снизу вверх преданно посмотрела на Светлану Ивановну. Ребенок впервые за сутки перестал бояться.

— У меня нет денег, — сказала Анастасия.

— А у меня нет жильцов. — Светлана Ивановна поднялась, отряхнула пальто. — Пошли отсюда! Чай попьем с сахаром. Ребенка горячим супом покормим. А там видно будет, судьба – она длинная.

И она, не оборачиваясь, пошла вперед, тяжелой, уверенной походкой человека, который твердо знает дорогу домой.

Анастасия посидела секунду, прислушиваясь к урчанию в собственном животе и тихому сопению дочери. Затем нагнулась, с трудом подняла тяжелую сумку и, крепко сжав маленькую ладошку Алисы своими ледяными пальцами, пошла следом.

Глава 4

Квартира Светланы Ивановны встретила их на пятом этаже старой панельной хрущевки, намертво вросшей в серый асфальт окраины. Лифта не было. Пока они поднимались по вытертым до бетонного основания ступеням, Алиса считала пролеты вслух — «восемь, девять, десять» — сбивалась, начинала заново с единицы, но каждый раз её голос звучал всё тише. Анастасия тащила тяжелую сумку свободной рукой, цепляясь за шаткие перила другой. От чужого подъезда пахло вареной капустой, кошачьей мочой и чем-то безнадежно старым. Лампочка на площадке третьего этажа давно перегорела, погружая лестницу в полумрак.

— Ничего, — бросила Светлана Ивановна через плечо, даже не обернувшись. — Тут почти все свои, тихие. Алкаш на первом живет, Витька, так он мирный, только песни Высоцкого по ночам орет. Привыкнете.

Анастасия ничего не ответила. Она не собиралась привыкать к песням Витьки и запаху капусты. Она планировала передохнуть ровно сутки, отдышаться и придумать план побега обратно вверх, в ту жизнь, где полы моют роботы-пылесосы, а не уставшие женщины.

Дверь квартиры была обита потертым коричневым дерматином, из-под которого лез желтый поролон, похожий на гнилые зубы. В узкой прихожей, заставленной коробками со старыми журналами и пустыми банками для солений, пахло сушеной мятой и еще чем-то кисловатым, незнакомым. Светлана Ивановна скинула свое драповое пальто прямо на пол, швырнула авоську на тумбочку и щелкнула выключателем. Под потолком зажглась голая лампочка Ильича на витом проводе, залив тесное пространство желтым светом.

— Вон ваша комната, — она кивнула на дверь справа от вешалки. — Там диван, шкаф старый, стол у окна. Окно во двор выходит, тихо. Туалет в конце коридора направо, ванна совмещенная. Вода горячая по графику с шести до девяти утра и с семи до десяти вечера. Успевайте мыться.

Анастасия открыла дверь. Комната оказалась крошечной — метров десять, не больше, — но очень чистой. Старый пружинный диван, застеленный колючим серым шерстяным пледом. Деревянный письменный стол у единственного окна. Тяжелый шифоньер пятидесятых годов с облупившимся лаком на углах. На подоконнике стояла герань в треснувшем пластиковом горшке, тянувшая бледные листья к стеклу. За окном темнел типичный спальный двор: ржавые мусорные баки, скрипучие сушилки для белья, под которыми вечно собирались местные старухи, и голое дерево без единого листа.

— Располагайтесь, — сказала хозяйка. — Я пока чайник поставлю. Ребенку кашу сварить?

— Не стоит беспокоиться, мы сами... — начала Анастасия дежурную фразу вежливости, но старуха уже развернулась и тяжело зашаркала на кухню.

Алиса тут же забралась на диван ногами и принялась подпрыгивать. Пружины взвыли отчаянно, на разные голоса. Анастасия дернулась прикрикнуть, одернуть, запретить шуметь в чужом доме, но осеклась. Вместо этого она села рядом, притянула дочь к себе и уткнулась лицом в её макушку. От волос Алисы всё ещё едва уловимо пахло дорогим французским шампунем из особняка — запахом розового сада и чистоты. Этот аромат резанул по сердцу больнее любого ножа, напоминая о том, что потеряно безвозвратно.

Светлана Ивановна вернулась с эмалированным подносом. Три пузатые кружки в цветочек, сахарница с щербинкой, тарелка дымящейся гречневой каши, вторая тарелка с супом и толстый ломоть белого хлеба, щедро намазанный желтоватым маргарином. Алиса набросилась на еду, хватая ложку обеими руками. Анастасия обхватила свою кружку ладонями, впитывая дешевое фаянсовое тепло. Чай был пакетированный, самый дешевый, с отчетливым химическим привкусом мокрой бумаги.

— Ты, девонька, не думай лишнего, — нарушила тишину Светлана Ивановна, усаживаясь на табурет напротив. — Я тебя не из жалости взяла. Жалость быстро кончается. Просто вижу: человек ты не пропащий. Глаза у тебя, конечно, злые сейчас, бешеные, и гонору много осталось. Но руки не дрожат, когда суп ешь. Это хорошо. Значит, выплывешь.

— Я заплачу вам, — глухо сказала Анастасия. — За комнату. У меня есть... Она не договорила. Пальцы левой руки сами нырнули в карман джинсов, наткнулись на холодный металл. Бриллиант царапнул подушечку большого пальца сквозь ткань.

Светлана Ивановна проследила за этим движением своими ясными, всё понимающими глазами.

— В ломбард понесешь?

— Да. — Анастасия сжала губы в тонкую линию. — Это единственная ценная вещь, которая осталась при мне.

— А ты не жалей его, — неожиданно жестко отрезала старуха. — Вещь — она и есть вещь. Придет время — другую купишь, краше прежней. Дитё важнее цацек.

Анастасия допила остывший чай одним глотком, чувствуя, как обжигает пищевод.

— Присмотрите за ней? Я быстро, только туда и обратно.

На улице окончательно стемнело. Фонари горели через один, роняя тусклый свет в лужи. Ломбард нашелся в двух кварталах — стеклянная дверь с решеткой, ядовито-розовая неоновая вывеска «Скупка золота», а внутри режущий глаза желтый свет дешевых люминесцентных ламп. Анастасия толкнула тяжелую дверь. Над головой звякнул колокольчик.

За прилавком сидел мужчина лет пятидесяти с отечным, нездоровым лицом землистого цвета. Он поднял на неё равнодушные рыбьи глаза, мазнул взглядом по дорогой одежде и снова уткнулся в экран смартфона. Анастасия подошла вплотную, положила кольцо на бархатную черную подушечку весов. Бриллиант вспыхнул под мощной лампой подсветки холодным белым огнем.

— Оцените.

Мужчина отложил телефон, взял украшение двумя пальцами, словно дохлого таракана. Повертел, рассматривая клеймо завода. Достал из кармана жилетки маленькую лупу на пружинке, прикрепленную шнурком к прилавку.

— Платина старая, советская. Проба высокая. Камень… ну, четверть карата, может, чуть больше. Огранка старинная, мутноватая, сколов нет, но игра света слабая... — Он помолчал, делая вид, что глубоко задумался над сложной математической задачей. — Десять тысяч рублей дам. С выкупом.

Анастасия чуть не рассмеялась ему в лицо истеричным, лающим смехом. Это кольцо стоило дороже, чем весь этот полуподвал вместе с оценщиком и его потертой мебелью. Она открыла рот, чтобы бросить какую-нибудь уничтожающую фразу про провинциальную скупость, но вовремя вспомнила Алису — её жадное чавканье над тарелкой гречки, хлеб с маргарином и жалобное «кушать хочу-у-у». Вспомнила тяжелый замок на воротах особняка. И закрыла рот.

— Пятнадцать.

— Двенадцать. Максимум! Хотите — идите в другое место, там дадут восемь.

— Хорошо. — Голос прозвучал ровно, механически. — На какой срок?

— Месяц. Просрочите хоть на день — уйдет с молотка, я искать вас не буду. Платить будете наличными, картой не принимаем.

Анастасия взяла квитанцию, сложенную пополам. Бумага хрустнула. Она убрала её в задний карман джинсов, ощутив её присутствие как физический приговор. Мужчина отсчитал двенадцать купюр — мятых, липких, пахнущих пылью и чужими руками и подтолкнул их к ней.

Она вышла на улицу. Холодный ночной воздух ударил в лицо. Анастасия сжала деньги в правом кулаке так, что ногти впились в ладонь. Постояла секунду, глядя на темные, слепые окна ломбарда. Её кольцо лежало теперь в чужом железном сейфе, помеченное инвентарным номером, превращенное в цифру в гроссбухе. Она попыталась вызвать в себе боль потери, скорбь, хотя бы сожаление — не вышло. Внутри было абсолютно пусто, гулко и темно, как в выпотрошенном чемодане на вокзале.

Домой она вернулась через полчаса. Светлана Ивановна сидела на микроскопической кухне и чистила картошку прямо в раковину. Нож ритмично стучал о дно эмалированной миски. Алиса спала на диване в комнате, свернувшись клубком под серым пледом, смешно приоткрыв рот и прижав к горячей щеке кулачок.

Анастасия вошла на кухню и молча положила на клеенку пять тысячи рублей.

— Здесь за месяц вперед. И тысяча сверху за беспокойство.

Светлана Ивановна подняла голову. Посмотрела на деньги, потом на лицо Анастасии. Кивнула, сгребла бумажки, даже не считая, и небрежно сунула в карман халата. Затем подвинула к гостье тарелку с остатками вареной картошки в мундире.

— Садись, ешь. Завтра пойдем в нормальную лавку, купим тебе продуктов человеческих. И ребенку молока настоящего, а не этой химии порошковой. А там, глядишь, и работу найдешь.

Анастасия взяла вилку. Картошка была горячей, рассыпчатой, политой подсолнечным маслом и посыпанной свежим укропом. Простая еда бедняков. Она ела медленно, тщательно пережевывая, и чувствовала, как ледяная пустота внутри начинает отступать, уступая место чему-то другому — теплому, животному чувству сытости и безопасности стен.

Ночью она лежала без сна, прижавшись спиной к горячему телу Алисы, слушая дыхание дочери. За стеной монотонно, с присвистом храпела Светлана Ивановна. Из форточки тянуло сыростью двора, и герань на подоконнике отзывалась легким шелестом листьев на сквозняк. Квитанция из ломбарда жгла карман джинсов, брошенных на спинку стула.

Анастасия закрыла глаза, проваливаясь в тревожную дрему, и видела кольцо. Свое кольцо. Свой бриллиант. Свою платину. Она представила, как через месяц придет в этот вонючий подвал, выложит на прилавок нужную сумму плюс грабительские проценты и скажет сухим голосом: «Верните». И заберет его. И однажды, спустя годы, наденет его на палец повзрослевшей Алисе. Или оставит себе. Неважно. Главное — оно будет принадлежать им. Станет доказательством того, что у них есть что-то своё. Что-то материальное, весомое, то, что нельзя просто стереть росчерком пера адвоката.

С этой мыслью она, наконец, провалилась в тяжелый сон без сновидений.

Глава 5

Утро началось с запаха жареного лука и оглушительного крика соседского петуха, но Анастасия проснулась не от этого. Она открыла глаза за секунду до звонка старого механического будильника Светланы Ивановны — привычка просыпаться по часам въелась в подкорку еще в прошлой жизни.

Она долго стояла перед мутным зеркалом на дверце скрипучего шифоньера. Вся её прошлая жизнь теперь умещалась в одну дорожную сумку Louis Vuitton, сиротливо стоящую в углу комнаты. Сумка пахла чужим подъездом, нафталином из шкафа хозяйки и крахмальным дешевым порошком. Анастасия надела лучшее, что у неё осталось, — чёрное платье-футляр из прошлой жизни, которое не успело выйти из моды, туфли на низком каблуке и единственные колготки. Волосы собрала в низкий пучок, нанесла остатки тонального крема и тронула губы бледно-розовым блеском— тем самым, которым пользовалась ещё в особняке, когда выходила к завтраку. Если бы не окружающая обстановка, никто бы не посмел усомниться в её статусе.

— Я скоро, зайчонок, — бросила она Алисе, которая увлеченно смотрела мультфильмы по маленькому пузатому телевизору, водруженному на коробку из-под обуви. — Мама найдет нам самый красивый замок.

***

Фитнес-клуб «Platinium» на Кутузовском не взял её с первой минуты. Она даже до собеседования толком не дошла.

Анастасия вышла из маршрутки на остановке «Гостиница Украина» и пошла пешком, стараясь ступать так, будто под ногами не разбитый асфальт, а мраморный пол. Ей казалось, что именно так должна выглядеть женщина, которая пришла устраиваться администратором в престижный фитнес-клуб. В реальности она выглядела как женщина, которая спит на старом диване в дешевой комнате, но пытается держать марку, думая, что выглядит по-прежнему стильно, хотя выглядела, скорее, жалко.

Двери клуба разъехались бесшумно, пахнуло эвкалиптом, хлоркой и чем-то сладким — кажется, протеиновыми коктейлями. За стойкой сидела девушка модельной внешности, с идеально уложенными волосами, в белоснежной рубашке с логотипом клуба. Она окинула Анастасию взглядом — быстро, профессионально, снизу вверх, и по её лицу скользнула тень узнавания. Не узнавания личности — узнавания типажа. Ещё одна бывшая, которая думает, что мир подождёт.

— Я по объявлению, — сказала Анастасия, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — На должность администратора.

Девушка кивнула и сняла трубку внутреннего телефона. Через три минуты вышла женщина лет пятидесяти, в строгом костюме, с планшетом в руках. Звали её Эльвира Аркадьевна. Она провела Анастасию в кабинет, села напротив и, не тратя время на предисловия, открыла резюме — то самое, которое Анастасия составила ночью на кухне, перечисляя всё, что умела. Получилось коротко: «Организация мероприятий, приёмы, работа с VIP-клиентами». Эльвира Аркадьевна прочитала, подняла бровь и сказала:

— У вас нет опыта администрирования ни в фитнес-индустрии, ни в гостиничном бизнесе. И, скажем прямо, возраст уже не юный для начала с нуля. Плюс — нам нужен сотрудник, который может выходить в ночные смены и работать без выходных. А у вас, я так понимаю, ребёнок?

— Дочке три года. Но я могу оставлять её с...

— Я не спрашиваю, с кем вы можете оставлять. Я говорю о том, что на этой позиции требуется полная занятость и готовность к переработкам. Мы не можем рисковать.

Анастасия вышла из клуба через десять минут после того, как вошла. В ушах ещё звенело: «возраст не юный», «опыта нет», «не можем рисковать». Она спустилась по ступенькам, остановилась у клумбы с декоративными туями и вдруг поняла, что её трясёт. Не от холода — был конец апреля, солнце припекало почти по-весеннему, а от унижения. Ей двадцать восемь, и она никому не нужна. Семь лет она накрывала столы на двенадцать персон, знала разницу между сотерном и шардоне, могла поддержать беседу о последнем аукционе Сотбис и всё это теперь стоило меньше, чем умение работать в ночную смену.

Вторым местом в её списке был ресторан. Не кафе, не столовая, а настоящий французский ресторан «Le Solstice», где она когда-то обедала с мужем и его партнёрами, где знала метрдотеля по имени и оставляла чаевые, на которые можно было купить холодильник. Ей показалось это хорошей идеей: её там помнят. Ей точно пойдут навстречу.

Ресторан помещался в особняке на Кутузовском, в пяти минутах ходьбы от фитнес-клуба. Белые скатерти, приглушённый свет, живой пианист по вечерам. Днём здесь было тихо, пусто, пахло полиролью и кофе. Анастасия вошла через служебный вход, который с улицы ей подсказал кто-то из персонала, курящий тайком у мусорных баков. Она не стала спорить. Прошла коридором, пахнущим жареным луком и хлоркой, и оказалась на кухне, где высокий мужчина в белом кителе орал на поварёнка по-французски, размахивая половником.

— Простите, — сказала Анастасия, стараясь перекричать шум. — Я ищу метрдотеля.

Мужчина обернулся. Это был Люк — шеф-повар, она его смутно помнила. Он оглядел её с ног до головы, и она вдруг остро почувствовала, как выглядит со стороны: не самое модное уже платье, такие же туфли, лицо без должного макияжа, волосы без профессиональной укладки. Больше она тут не гостья, а чужак.

— Служебный вход дальше по коридору, — бросил он и отвернулся.

Она нашла метрдотеля в зале. Его звали Аркадий, он был немолод, лысоват, с усталым, но цепким взглядом. Когда-то он лично провожал её к лучшему столику у окна, подливал вино и интересовался, понравилась ли сёмга на кедровой доске. Теперь он посмотрел на неё и не узнал.

— Я Орлова, — сказала она. — Анастасия. Мы с мужем... мы раньше у вас часто бывали. Кирилл Орлов.

Что-то мелькнуло в его глазах. Он моргнул, потом прищурился и узнал. Но узнавание было нерадостным. Это было узнавание проблемы.

— Да-да, конечно. Что желаете?

Она объяснила, что ищет работу. Что готова на любую позицию — хостес, администратор, помощник управляющего. А еще у неё есть опыт общения с VIP-гостями, знание этикета, а также языки — английский и базовый французский.

Аркадий слушал, не перебивая, и лицо у него делалось всё более кислым.

— Анастасия, я вас помню. Вы были нашей гостьей. Очень щедрой гостьей, скажем прямо. — Он сделал паузу. — Но работа в ресторане это немного другое. У нас нет вакансии хостес. И администратора нет. У нас есть вакансия официантки в дневную смену. Зарплата — ставка плюс чаевые. График — два через два. Если хотите — можете попробовать. Но я вас предупрежу сразу: тут не благотворительность. Работа очень тяжёлая. Гости капризные. Если не справитесь - мы расстанемся.

Она стояла и слушала, чувствуя, как внутри закипает обида. Официантка. Она — официантка. После десяти лет обедов в этом зале. После того, как она оставляла здесь на чай такие суммы, что персонал кланялся в пояс. Теперь ей предлагают полы мыть после смены и выслушивать капризы тех, кто сидит за её столиком.

— Хорошо, — сказала она. И сама удивилась своему голосу — он звучал спокойно. — Я попробую.

Аркадий кивнул и протянул ей анкету.

— Заполните. Завтра в семь утра у вас первая смена. Форма — чёрный низ, белый верх. Фартук получите здесь. И ещё: никаких украшений, никакого маникюра. И не опаздывать. Опоздание — сразу минус из зарплаты.

Она взяла анкету и пальцы чуть дрогнули.

***

Вечером на кухне у Светланы Ивановны она рассказывала о двух собеседованиях. Светлана слушала молча, раскладывая на тарелке варёную картошку с маслом. Алиса уже спала.

— Значит, официантка, — подвела итог старуха. — И что, справишься?

— Справлюсь. Ради Алисы я со всем, чем угодно справлюсь.

— Ну-ну. Смотри не разбей чего. Посуда там, небось, дорогая.

Анастасия хотела ответить резко — что она не дура, что умеет обращаться с бокалами, что десять лет сервировала дома столы, но вдруг поймала взгляд Светланы Ивановны и осеклась. В этом взгляде не было издёвки. Было что-то другое — то ли жалость, то ли понимание. Старуха знала: завтра Анастасия пойдёт в ресторан и обожжётся. Но говорить этого не стала.

И правильно сделала.

Глава 6

Первая смена началась в семь утра и закончилась в четыре дня катастрофой.

Анастасия явилась за пятнадцать минут до начала — гладко зачёсанная, в белой блузке (купленной накануне в секонд-хенде за триста рублей) и чёрных брюках (оттуда же), которые Светлана Ивановна подшила ей вечером, ворча, что руки у неё уже не те и нитки путаются. Фартук ей выдали на месте — длинный, чёрный, с логотипом ресторана: две переплетённые буквы L и S. Она повязала его, чувствуя, как пальцы слегка дрожат — не от волнения, а от недосыпа (Алиса ночью снова капризничала, просилась на руки, и она просидела с ней до двух часов, укачивая на узком диване).

Аркадий встретил её в зале, оглядел придирчиво и сказал: «Пойдёшь на банкет в малый зал. Там сегодня закрытое мероприятие — презентация часового бренда. Гостей всего пятьдесят человек. Твоя задача: разносить шампанское и канапе. Никакой самодеятельности. Уронишь поднос — вычту из зарплаты. Что либо разобьёшь — вычту вдвойне. Вопросы?»

Вопросов у неё не было. Был страх — липкий, холодный, как испарина на стенке бокала с ледяным шампанским. Она встала у раздаточной стойки и взяла первый поднос — тяжёлый, гораздо тяжелее, чем ей казалось со стороны. На нём в идеальном шахматном порядке стояли фужеры, наполненные ровно на две трети — как учили на коротком инструктаже: «Игристое наливают до половины бокала, а потом чуть доливают, чтобы пузырьки играли, но не били в нос». Она выдохнула и шагнула в зал.

Первые десять минут всё шло ровно. Гости — мужчины в дорогих костюмах, женщины в коктейльных платьях, некоторые с бриллиантами, которые Анастасия оценивала автоматически (вот у этой — Tiffany, полкарата, классика; а у той — Harry Winston, и камни явно крупнее) — брали бокалы не глядя, продолжая светскую беседу. Она двигалась между ними, стараясь быть незаметной, и у неё почти получалось. Даже Аркадий, проходя мимо, бросил скупое: «Нормально».

А потом случился первый прокол.

Она разворачивалась с подносом, чтобы вернуться к раздаточной, и задела локтем высокого мужчину в сером костюме. Тот как раз жестикулировал, рассказывая что-то про швейцарские механизмы. Толчок пришёлся ему под локоть — и бокал в его руке качнулся, выплеснув шампанское прямо на белоснежную рубашку.

— Ты что, с ума сошла?! — Он отскочил, отряхивая манжету, на которой расплывалось пятно цвета светлого мёда. — Это эксклюзивный Brioni! Ты знаешь, сколько стоит химчистка такого костюма?!

— Простите, ради бога, — залепетала Анастасия, чувствуя, как горят щёки. — Я сейчас принесу салфетку...

— Салфетку?! — Он уже не слушал. Обернулся к Аркадию, который спешил к месту происшествия. — Аркадий, что у вас за обслуживание? Я требую, чтобы эту особу убрали из зала!

Аркадий приблизился, взял её под локоть — жёстко, без церемоний — и отвёл в сторону.

— В подсобку. Живо! Отошла от гостей глазами — потеряла контроль. Будешь на раздаче до конца смены. Шампанское на тебе: вычту из зарплаты.

Она не спорила. Прошла через весь зал, чувствуя спиной взгляды — любопытные, насмешливые, сочувственные, и скрылась в подсобке. Там, среди полок с чистыми бокалами и составленных пирамидой тарелок, она без сил опустилась на ящик с вином. Руки тряслись. Из глаз текли слёзы — не горькие, а скорее унизительные, те, что наворачиваются сами, когда тебя отчитывают на людях. Она плакала минуты три, потом вытерла лицо фартуком, встала и пошла к раздаточной стойке — встречать новые подносы.

Смена продолжалась ещё пять часов.

На раздаче было легче — здесь не надо было лавировать между гостей, только принимать подносы с кухни, расставлять бокалы и следить за пополнением. Но Анастасия умудрилась накосячить и тут. Сначала перепутала канапе с лососем и с креветкой (гость с аллергией на морепродукты едва не вызвал скорую — обошлось антигистаминным, но скандал был громкий). Потом уронила соусник с голландским соусом — фарфоровый, ручной работы, и тот разбился вдребезги, оставив на мраморном полу жёлтую, жирную лужу. И наконец, уже под конец смены, когда гости расходились, а персонал начал уборку, она, вытирая столик, задела локтём фужер, который кто-то из гостей оставил на краю. Фужер покачнулся, упал и разлетелся на острые осколки, звякнувшие по мрамору с той особенной, тонкой нотой, с какой бьётся только очень дорогое стекло.

— Орлова! — Голос Аркадия разрезал зал, как нож масло. — Ты сегодня специально косячишь? Ты решила мне весь сервиз переколотить?

Она стояла над осколками с тряпкой в руке и молчала. Потому что ответить было нечего. Она действительно всё роняла.

— Это уже третий за смену, — продолжал Аркадий, понижая голос до того особого, ледяного регистра, каким ругают не детей, а безнадёжных взрослых. — Фужер — три тысячи. Соусник — пять. Плюс химчистка костюма тому гостю. Итого с твоей зарплаты за этот месяц — минус десять тысяч. Ты поняла?

— Поняла.

— Не слышу?!

— Поняла, Аркадий.

Он постоял над ней ещё пару секунд, потом развернулся и ушёл в свой кабинет. Она осталась собирать осколки. Мелкие, звонкие, похожие на разбитую мечту.

В раздевалке, когда смена, наконец, закончилась, она села на лавку и долго смотрела на свои руки. Они были в мелких порезах от осколков, но она даже не заметила, где и когда успела так порезаться. Просто сидела и разглядывала тонкие красные линии на пальцах. Руки, которые десять лет держали только ручку Montblanc для подписи чеков, теперь были в порезах от битого стекла.

Рядом переодевалась другая официантка — немолодая, полноватая, с усталым, но добрым лицом. Она видела всё, что происходило в зале, и теперь, накидывая куртку, сказала:

— Первый день всегда такой. Не бери в голову. У меня тоже всё из рук валилось. А теперь ничего, пятый год здесь. Привыкнешь! Руки запоминают, понимаешь? Они умнее головы. Надо просто дать им время.

— Спасибо, — сказала Анастасия.

И это «спасибо» было самым искренним за весь день.

Вечером, сидя на кухне у Светланы Ивановны, она заново прокручивала в голове все свои промахи. Перепутанные канапе. Соусник. Фужер. Пятно на рубашке.

Светлана Ивановна гремела кастрюлями — готовила суп на завтра.

— Ну, как день? — спросила старуха.

— Плохо.

— Разбила что-нибудь?

— Всё, что можно было разбить.

Светлана Ивановна хмыкнула, вытерла руки о фартук и села на табуретку.

— И что теперь? Уволишься?

— Нет. — Анастасия села на диване. Глаза у неё были красные, но голос звучал твёрдо. — Не уволюсь! Я должна научиться. Я должна справиться.

— Ну-ну, — повторила старуха свою вечную присказку. — Тогда завтра опять на смену.

И Анастасия пошла. На следующий день. И на третий. И на четвёртый.

На второй день она разбила только один бокал. На третий — не разбила ничего, но перепутала заказ и принесла вегетарианцу стейк с кровью. На четвёртый — опоздала на пятнадцать минут (Алиса никак не хотела отпускать Веронику, цеплялась за ногу, плакала), и Аркадий записал ей прогул.

Но к концу первой недели что-то сдвинулось. Руки действительно начали запоминать. Она уже не вздрагивала, когда на поднос ставили лишний бокал; уже знала, как обходить гостей, чтобы не задеть локтем; уже научилась различать канапе по цвету шпажки, а не по запаху, и не путала заказы. Аркадий по-прежнему смотрел на неё с подозрением, но хотя бы перестал орать каждый час. Повар Люк, который в первый день принял её за уборщицу, теперь кидал ей салфетки, когда она обжигалась о тарелки и говорил: «Ничего, новенькая, привыкнешь. Тут все через это проходят».

Она привыкала потихоньку. Через боль в ногах, через порезы на пальцах, через унизительное «девушка, вы мне принесли тёплое шампанское» и «этот стейк пережарен, уберите». Она научилась не огрызаться в ответ. Научилась улыбаться, даже когда внутри всё кипело. Научилась кланяться — слегка, одними плечами, как кланяются официантки в хороших ресторанах, — и исчезать прежде, чем начнет раздражать гостя.

Но главное испытание ждало её впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.